

Камбачокова Маргарита Юнусовна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
Социально-гуманитарного института
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова

Мирзоева Светлана Григорьевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
Социально-гуманитарного института
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова

Варивода Наталья Владимировна

старший преподаватель кафедры истории России
Социально-гуманитарного института
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова

ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ АБАЗИН, СВЯЗАННЫЕ С НАЧАЛЬНЫМ ПЕРИОДОМ ЖИЗНИ РЕБЕНКА

Аннотация:

Статья посвящена традиционной обрядовой культуре и этикету абазин, значительное место в которых занимают принципы воспитания детей. В работе рассмотрены основные обычаи и обряды, связанные с первыми годами жизни ребенка. Особое внимание уделено обряду первого укладывания в колыбель (гаралацла), сопровождавшемуся привязыванием к колыбели амулетов и другими магическими приемами. Дается краткая характеристика обряда наречения ребенка, также представлено описание обрядов, связанных с появлением первых зубов и с первыми шагами ребенка.

Ключевые слова:

абазины, обрядовая культура, традиционный этикет, обычай, воспитание детей, магический прием.

Kambachokova Margarita Yunusovna

PhD in History,
Assistant Professor,
General History Subdepartment,
Institute for Social Studies and the Humanities,
Kabardino-Balkarian State University

Mirzoeva Svetlana Grigorievna

PhD in History,
Assistant Professor,
General History Subdepartment,
Institute for Social Studies and the Humanities,
Kabardino-Balkarian State University

Varivoda Natalia Vladimirovna

Senior Lecturer,
Russian History Subdepartment,
Institute for Social Studies and the Humanities,
Kabardino-Balkarian State University

TRADITIONAL RITUALS AND CUSTOMS OF ABAZINS ASSOCIATED WITH THE INITIAL PERIOD OF CHILD'S LIFE

Summary:

The article is devoted to the traditional ritual culture and etiquette of Abazins, in which the principles of parenting take an important place. The paper discusses the basic customs and rituals associated with the first years of babies' life. Particular attention is given to the ceremony of the first putting into the cradle (garalac̄la), involving attachment of amulets to the cradle and other magical techniques. The authors give a brief description of the ceremony of naming of the child, and describe the rituals associated with the milk teeth and the first steps of the child.

Keywords:

Abazins, ceremonial culture, traditional etiquette, custom, parenting, magical technique.

Изучение истории и этнографии абазинского народа имеет определенную историографическую традицию. Вместе с тем такие вопросы, как проблемы этногенеза и этнической истории, свадебно-брачные институты, религиозный синкретизм, отдельные стороны общественного и семейного быта, остаются либо дискуссионными, либо малоисследованными. До настоящего времени не становились предметом специального и комплексного изучения в отечественном абазиноведении и вопросы воспитания подрастающего поколения, которые, однако, занимали значительное место в традиционном этикете абазин.

В условиях полунатурального хозяйства XIX – начала XX вв., когда благосостояние крестьянской семьи во многом зависело от ее численности, а детская смертность была высокой из-за отсутствия медицинской помощи, сельская семья стремилась иметь как можно больше детей.

С самого рождения ребенка абазины прилагали все усилия для его полноценного физического воспитания, чтобы из него вырос сильный, здоровый и достойный продолжатель рода. К этому были призваны многочисленные обряды, связанные с рождением и дальнейшим развитием ребенка, включая период нахождения его в утробе матери, а именно: всевозможные запреты для беременной женщины (не выходить ночью из дома, не поднимать тяжести, окружающим не злословить и не ругаться при беременной невестке и т. д.); оберегание новорожденного

от сглаза, злых духов; соблюдение всевозможных обрядов, направленных на то, чтобы ребенок рос здоровым: обряды укладывания ребенка в удобную люльку, первой стрижки волос, первого самостоятельного шага; запреты на грубое отчитывание провинившегося ребенка, на телесное наказание и т. д.

Рождение ребенка, в зависимости от того, мальчик это или девочка, в семье встречали по-разному. Так, если рождался сын, да еще и первенец, в котором, помимо всего прочего, видели продолжателя рода, то щедро одаривали того, кто первым принес эту радостную весть. Кроме того, это событие по традиции ознаменовывалось стрельбой из ружей. Более равнодушно встречали рождение девочки. В этом отношении примечательно наблюдение В. Савинова, отмечавшего еще в конце XIX в., что при рождении девочки отец мог в лучшем случае наградить вестника поцелуем или небольшим подарком [1, кн. 3, т. 2, с. 4].

Многодетные семьи были в большом почете у абазин, особым же уважением пользовались семьи, в которых рождалось много мальчиков. И, напротив, если в семье рождались одни девочки, это могло послужить причиной развода или привода в семью второй жены, что, впрочем, особо у абазин не практиковалось, хоть и было разрешено иметь до четырех жен одновременно.

Это было сопряжено с тем, что девочка считалась лишь гостьей в родительском доме, так как с замужеством она покидала его и становилась членом совершенно другой семьи и рода. Тем не менее это не означает, что рождение девочки было совершенно нежеланным. С особой радостью отмечали это событие, если до дочери в семье уже родились несколько сыновей и родители ждали девочку.

Первые годы жизни ребенка были сопряжены с большим количеством разнообразных обычаев и магических обрядов, выражавших традиционные приемы ухода за новорожденным и богатый опыт народа в области воспитания подрастающего поколения. Подобное разнообразие обрядовой стороны первых лет жизни ребенка связывалось с представлениями о его подверженности влиянию «нечистых сил», «злых духов» и различных болезней. Считалось, что строгое соблюдение этих обычаев и обрядов могло гарантировать здоровье и благополучие новорожденного на протяжении всей его жизни [2, с. 43].

Первым и, пожалуй, основным обрядом считался обряд первого укладывания ребенка в колыбель (гаралаца). Проведение данной процедуры считалось привилегией исключительно женщин. На обряде укладывания присутствовали родственницы и соседки родителей новорожденного, для которых готовили угощения из курятины, сладкие жаренные в масле мучные изделия и специально предназначенную для этого случая халву из «гарамажвадза» – люлечного теста. Сами же гости приносили для новорожденного подарки, в числе которых была и сама колыбель, которую по обычаю дарил дед новорожденного.

Процедура первого укладывания ребенка в колыбель заключалась в том, что одна из старших родственниц, а иногда и соседка, брала ребенка у матери, купала его, пеленала и укладывала в колыбель, за что получала особый подарок. Этот обряд сопровождался привязыванием к колыбели амулетов и другими магическими приемами. К примеру, прежде чем положить ребенка, в колыбель ненадолго помещали кошку. «Этот магический прием, видимо, связывали с живучестью и спокойным нравом кошки, – отмечает Л.З. Кунижева. – Существует много поговорок и пословиц, характеризующих кошку именно как живучее и спокойное животное: “Ацгвы быжьпсык! ахьап!” (У кошки семь душ), “Ацгвы апшта утынчында” (Был бы ты спокоен, как кошка), “Ацгвы апшта хьаглата дычвит” (Спит сладко, как кошка) и т. д.» [3, с. 175]. Во время исполнения обряда первого укладывания, прежде чем положить ребенка в колыбель, трижды произносили заклинание: «Ацгвы апшта хьаглата, тынчта уычв» (Спи так же сладко и спокойно, как кошка).

С обрядом первого укладывания мальчика был связан особый ритуал – примирения двух враждующих семей. Так, например, виновная семья заблаговременно узнавала о дне первого укладывания мальчика и, приготовив подарки для бабушки и дедушки (если таковых не было, то для родителей ребенка), а также для самого ребенка, в сопровождении доверенных лиц, своего рода поручителей, приходила в дом, где совершался обряд. Доверенные поздравляли всех членов семьи с рождением продолжателя рода и просили по случаю радости простить вину и положить конец вражде. Такое обращение всегда имело положительный исход [4, с. 75].

Следующий обряд – это обряд наречения ребенка. Порядок выбора имени имел множество локальных вариантов. Хан-Гирей отмечал, что «по обычаю... имена младенцам даются по произволу и почти всегда посторонними людьми, а не отцом и матерью» [5, с. 258]. Дававший или предложивший выбранное имя (родственники, возможно один из соседей), должен был вместе с этим сделать ребенку особый подарок, и, если это был чужой человек, он становился одним из названных родственников семейства.

Когда ребенку исполнялся год, совершался обряд первой стрижки волос. Обычно это делал дядя со стороны матери. Как отмечают информаторы, большое внимание уделялось тому,

чтобы у совершавшего этот обряд были красивые и густые волосы, поскольку считалось, что такие же вырастут и у ребенка. Первые волосы ребенка (хъабрапшка) нельзя было выбрасывать, их заворачивали в тряпочку и хранили в укромном уголке сундука. Когда ребенок заболел, какую-то часть этих волос относили к местному мулле или знахарке, которые чтением Корана превращали их в оберег. Волосы потом зашивали в кусочек сафьяна и в качестве амулета подвешивали к изголовью колыбели или ребенку на шею [6].

Значительное внимание абазин уделяли обряду, связанному с появлением первых зубов, и обряду первого шага ребенка. За появлением первых зубов следили особенно тщательно, и как только они начинали прорезываться, бабушка (а за ее отсутствием – мать) брала горсть проса и разбрасывала в огороде. Это был прием имитативной магии, рассчитанной на то, чтобы зубы прорезались так же дружно и безболезненно, как всходят зерна проса. Когда молочные зубы у ребенка начинали выпадать, родители совершали следующие магические действия, рассчитанные на то, чтобы новые зубы росли крепкими: брали выпавший зуб, крупинку соли, кусочек угля из очага и забрасывали все это на крышу дома со словами: «Пыцыжв уыститта, пыцшыц глстх» (Даю старый зуб, отдай мне новый) [7]. Подобную же процедуру адыги проводили со словами: «Кхъуейм игъэжъу, лыжьым луищыкыу тхъэм къыгъэкыж» (Пусть вырастет новый [зуб], который состарился бы от сыра и выпал бы от добротного мяса).

Когда ребенок начинал ходить, устраивали обряд первого шага, в котором магический прием «развязывания ног» совмещался с известным обрядом выбора профессии. Участниками его были в основном женщины и подростки, для которых бабушка ребенка готовила угощение. На середину комнаты ставили низкий столик с различными предметами: Кораном, кинжалом, деньгами, уздечкой, молотком и т. д. для мальчика; ножницами, золотой и серебряной канителью, зеркальцем и т. д. для девочки. Бабушка вносила в комнату нарядно одетого ребенка, ноги которого были связаны ниткой, и пускала его к столику. Ребенок делал несколько шажков, бабушка перерезала ножницами нитку, освобождая ноги от пут, и все внимательно следили, какой из лежащих на столике предметов ребенок возьмет в руки. Так угадывалось и, по поверью, даже предопределялось его будущее. Если мальчик брал кинжал, говорили, что он станет храбрым воином, молоток – кузнецом, деньги – богатым; если девочка брала зеркальце, утверждали, что она станет модницей, предметы женского рукоделия – мастерицей и т. д. [8, с. 176].

Вышеперечисленные обряды имеют аналоги в культурах многих народов мира [9].

Достаточно веским подтверждением тому, что абазин уделяли пристальное внимание проблемам воспитания подрастающего поколения, может послужить то обстоятельство, что в абазинском языке сохранилось более пятидесяти изречений-примет, посвященных вопросам бережного отношения к детям, их воспитанию. Часть этих изречений-примет носит запретительный, часть – рекомендательный и часть – описательный характер.

К первой группе можно отнести приметы, согласно которым нельзя: целовать спящего ребенка (вырастет обидчивым); купать ребенка вечером с четверга на пятницу; укладывать спать ребенка во время захода солнца; подносить ребенка к зеркалу до появления у него зубов и т. д.

Вторую группу примет составляют следующие: взрослый, первым заметивший, что у ребенка прорезаются зубки, должен поставить ребенка в свежий коровяк, чтобы зубки росли легко; хозяйева дома, куда ребенок зашел впервые, должны одаривать его чем-либо; чтобы ребенок не вырос плешивым, взрослые, посмотрев на ребенка, должны были сказать: «Тъфу, неказистый», чтобы не сглазить и т. д.

В третью группу примет входят изречения, согласно которым новорожденный, сразу же открывший глаза, непременно должен был стать умницей; если у ребенка широкий лоб, то это к добру; если необходимо на время оставить ребенка, лежащего в люльке, одного в комнате, непременно к люльке следует прислонить веник; если ребенок стал часто зевать – его сглазили; если лежащий ребенок закинул ножку на ножку, его мать снова забеременеет. При этом если сверху окажется правая ножка – родится мальчик, левая – девочка и т. д.

Внимательное и бережное отношение к детям зафиксировано в соответствующих нормах поведения. Так, у абазин практически исключались рукоприкладство, грубые слова и ругательства, унижающие достоинство ребенка. По наблюдению автора XIX в. Т. Лапинского, дети воспитывались очень разумно. Ребенка никогда не били и даже не ругали [10, с. 103].

Обычаи, связанные с воспитанием ребенка, передавались из поколения в поколение. Уход за ребенком осуществляла мать. Считалось, что для нормального развития ребенка мать должна быть с ним более эмоциональной и нежной, чем отец, а бабушки и дедушки – неизменно ласковы и общительны. Такое распределение ролей в семье призвано вызвать у ребенка безграничную любовь и доверие к матери, большое уважение, граничащее с боязнью, по отношению к отцу, нежность – к престарелым бабушкам и дедушкам. Но вместе с тем воспитание ребенка составляло заботу всех взрослых членов семьи.

Если оказывалось, что по соседству живет кормящая женщина, у которой избыток молока, то она выкармливала и того ребенка, которому не хватает молока родной матери. Между двумя детьми, вскормленными одной женщиной, устанавливались родственные отношения. В отличие от отношений, устанавливаемых путем усыновления и воспитания, родство здесь ограничивалось лишь узким кругом родственников: кормилицей, ее родным сыном и вскормленным лицом. Брак между двумя лицами, вскормленными одной женщиной, считался недопустимым [11].

Следует отметить, что из старых обычаев, связанных с начальным периодом жизни ребенка, одни исчезают или исчезли совсем, другие изменили свое содержание. До сих пор сохраняется обычай одаривания ребенка при первом посещении дома его родителей или в тех случаях, когда мать впервые приносит его в дом родственников или соседей. Имя ребенку теперь дают либо дед с бабушкой, либо сами родители. В некоторых случаях право выбора имени предоставляется одному из ближайших родственников.

Повседневное попечение ребенка – по-прежнему дело матери, бабушки, старшей сестры. Но сегодня уже можно найти немало таких семей, в которых и отец становится активным участником воспитания ребенка с малых лет. Избегание проявления близких отношений между отцом и детьми, даже при старших родственниках, всё больше уходит в прошлое. Как и в прошлом, все родственники считают своим долгом посильно заботиться о ребенке. Но, в отличие от прошлого, к их числу теперь принадлежит не только отцовская, но в той же мере и материнская родня.

Ссылки и примечания:

1. Савинов В. Достоверные рассказы об Абазии. Воспоминания офицера, бывшего в плену у Абхазов // Пантеон и репертуар русского театра. СПб., 1850.
2. Дбар С.А. Обычаи и обряды детского цикла у абхазов. Сухум, 2000.
3. Кунижева Л.З. Семейная обрядность // Абазыны (Историко-этнографический очерк). Черкесск, 1989.
4. Там же.
5. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992.
6. Информаторы: Хачукова Нина Османовна, 81 год, а. Псыж, 2005; Агирова Аминат Муссовна, 77 лет, а. Апсуа, 2005; Шебзухова Хамидхан Исмаиловна, 86 лет, а. Кубина, 2006.
7. Информаторы: Ристова Зура Бекировна, 76 лет, а. Старо-Кувинск, 2005; Лапугов Абдул Амирович, 81 год, а. Старо-Кувинск, 2005; Какупшева Цацарка Муссовна, 83 года, а. Псыж, 2005.
8. Кунижева Л.З. Указ соч.
9. Фрэзер Дж.Д. Золотая ветвь: исследования магии и религии. М., 1980. С. 50–51; Мамбетов Г.Х. Пища в обычаях и традициях кабардинцев и балкарцев // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 104; Смирнова Я.С. Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа // Кавказский этнографический сборник. М., 1976. Вып. 6. С. 53; Соловьева Л.Т. Обычаи и обряды первых лет жизни ребенка у грузин Хевсурети в конце XIV – начале XX вв. // Советская этнография. 1982. № 4. С. 110.
10. Лапинский Т. Горцы Северного Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.
11. Информаторы: Агирова Аминат Муссовна, 77 лет, а. Апсуа, 2005; Ристова Зура Бекировна, 76 лет, а. Старо-Кувинск, 2005; Псху Мамыша Даниловна, 69 лет, а. Старо-Кувинск, 2007; Мазов Умар Айсович, 89 лет, а. Псыж, 2007.

References and notes:

1. Savinov, V 1850, 'Authentic stories about Abaza. Memoirs of an officer, a prisoner of Abkhazians', *Pantheon and Russian repertory theater*, St. Petersburg.
2. Dbar, SA 2000, *Customs and rituals of child cycle Abkhazians*, Sukhum.
3. Kunizheva, LZ 1989, 'Family rites', *Abaza (historical and ethnographic study)*, Cherkessk.
4. Kunizheva, LZ 1989, 'Family rites', *Abaza (historical and ethnographic study)*, Cherkessk.
5. Khan-Giray 1992, *Notes on Cherkessia*, Nalchik.
6. Informants: Hachukova Osmanovna Nina, 81 years old, Psyzh, 2005; Agirova Aminat Mussovnova, 77 years old, Apsua, 2005; Shebzukhov Hamidhan Ismailovna, 86 years old, Kubina, 2006.
7. Informants: Ristova Zura Bekirovna, 76 years old, Staro-Kuvinsk, 2005; Lapugov Abdul Amirovich, 81 years old, Staro-Kuvinsk, 2005; Kakupsheva Tsatsarka Mussovnova, 83 years old, Psyzh, 2005.
8. Kunizheva, LZ 1989, 'Family rites', *Abaza (historical and ethnographic study)*, Cherkessk.
9. Frazer, JD 1980, *The Golden Bough: study of magic and religion*, Moscow, p. 50-51; Mambetov, GH 1972, 'Food in the customs and traditions Kabardians and Balkar', *Bulletin of KBNI*, Nalchik, vol. 6, p. 104; Smirnova, YS 1976, 'Children and wedding cycles customs and rituals of the peoples of the Northern Caucasus', *Caucasian ethnographic collection*, Moscow, vol. 6, p. 53; Solovyov, LT 1982, 'Customs and traditions of the early years of a child's life Georgians Khevsureti late XIV – early XX centuries', *Soviet ethnography*, no. 4, p. 110.
10. Lapinsky, T 1995, *Mountaineers of the North Caucasus and their liberation struggle against the Russian*, Nalchik.
11. Informants: Agirova Aminat Mussovnova, 77 years old, Apsua, 2005; Ristova Zura Bekirovna, 76 years old, Staro-Kuvinsk, 2005; Pskhu Mamyscha Danilovna, 69 years old, Staro-Kuvinsk, 2007; Mazov Aysovich Umar, 89, Psyzh, 2007.